

Слово об Улановой

Большой театр. — 1998. — 26 марта
Раиса Стручкова

Думаю, нет сегодня артиста балета и хореографа, творчества которого не коснулась бы аура искусства Улановой, его вдохновенность и та глубокая естественность и органичность, которые рождали сценическую правду. Этому нельзя научить. С этим надо родиться.

Все улановские спектакли несли в себе интеллигентность и высокий нравственный этический заряд.

Техническая чистота, глубина актерского постижения и воплощения, внутренняя музыкальность, становившаяся зримой музыкой, — все это переплеталось, и нельзя было отделить, где заканчивалось одно и начиналось другое — это был тугой сплав вдохно-

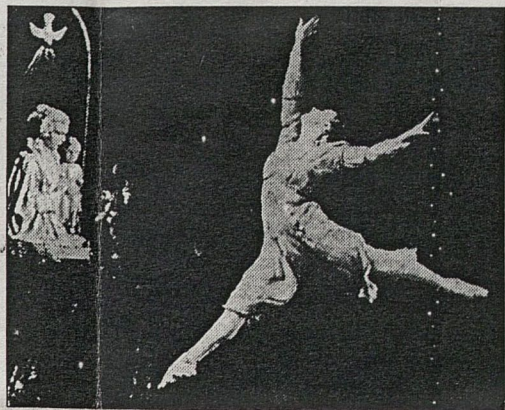
вения и мастерства, рождавший прекрасное целое. И понималось, воспринималось это не столько головой, сколько интуитивно, и каждый спектакль рождал потрясение.

На сцене она жила спектаклем и в спектакле, и счастлив, кто видел ее, и еще больше счастлив тот, кто с нею работал. Я всю жизнь храню в благодарной памяти то, как благословила она меня в Золушке, во многом определив мою творческую судьбу.

Все мы, артисты балета всего мира, благодарны судьбе за то, что она дала нам в искусст-

ве великий эталон, имя которому — Уланова.

Снова и снова мы будем мысленно возвращаться к Гению Галины Улановой, и, значит, она всегда будет с нами, жизнь ее будет продолжаться в творчестве артистов балета всего мира.

Борис Львов-Анохин

Много раз мне доводилось писать о гениальности Улановой, о ее великом даре и великом вкладе в искусство. Сегодня я хочу сказать о другом — о ее застенчивости, о ее скромности, чувстве долга, о ее редкой деликатности и удивительном такте.

Замечательная балерина, прекрасная Муза Баланчина Александра Данилова, когда-то учившаяся вместе с Улановой, а потом уехавшая на Запад и сделавшая там блестящую карьеру, говорила о Галине Сергеевне: «Она очень талантливая, рафинированная, утонченная».

Утонченность, духовный аристократизм сказывался в каждодневном поведении Улановой. Она была безупречно воспитана, никто не помнит, чтобы она повышала голос, позволяла бы обнаружить раздражение, ее неизменная сдержанность была следствием особой душевной дисциплины и выдержки. В театре, в работе она была бесконечно терпелива, ей была присуща величайшая сила смирения перед Искусством.

Та же Александра Данилова говорила: «...нас учили в детстве добру, такту, хорошему поведению, культуре чувств». Уланова всегда была прилежной ученицей, все это она усвоила весьма основательно.

Благодарность — чувство редкое, им обладают поистине благородные сердца. Уланова хранила благодарность к своим родителям, отцу, матери Марии Федоровне Романовой, отличавшейся редкой мягкостью и добротой, к своим учителям в хореографической школе, к Елизавете Ивановне Тиме, прекрасной актрисе, заставлявшей ее задумываться над артистической стороной партий. «Я Тиме очень обязана, она сделала из меня актрису, — вспоминала Галина Сергеевна, — ведь я ничего не знала, не понимала, умела только более или менее чисто, правильно танцевать. Елизавета Ивановна часто говорила мне о том, чего недостает в моих ролях. «А как это сделать?» — спрашивала я. «Не знаю, подумай сама», — отвечала Тиме. Я навсегда запомнила это ее — «подумай». И мало-помалу стала думать, обдумывать свои роли до самой глубины и во всех самых мельчайших деталях».

Я учился у Тиме в Ленинградском театральном институте, много общался с ней и знал, какая теплая дружба связывала ее с Улановой, чья слава уже гремела во всем мире. Но эта слава не могла притушить глубокого чувства признательности к человеку, которого она считала своим учителем.

Галина Сергеевна с юности была застенчивой и в чем-то наивной. Она блестяще окончила хореографическое училище и уже выступала на сцене Кировского театра в больших партиях, но долгое время стеснялась получать... свою зарплату. «Я думала, — вспоминала Уланова, — меня учили в школе, теперь дают танцевать на сцене и еще платят за это деньги. Мне было как-то неловко подходить к окошечку кассы...»

(Как это непохоже на некоторых современных молодых танцовщиц. Едва научившись подниматься на пуанты, они считают, что им нельзя обойтись без «мерседеса» и норковой шубы.)

Эта святая наивность в какой-то степени сохранилась у Улановой на всю жизнь, стала ее нравственным камертоном. У Галины Сергеевны было какое-то гипертрофированное чувство артистического долга, художественной обязательности. Как-то случилась у нее неудачная репетиция с Николаем Цискаридзе. Сколько ни бились, ничего не получалось. И тогда Уланова сказала: «Подумай, за мной присылают машину, театр платит за бензин, нам выписывают зал, а мы ничего не можем сделать. Не знаю, как тебе, а мне очень стыдно...» В этих словах вся Уланова, с ее щепетильностью, преувеличенным чувством ответственности.

Уланова всегда видела свои недостатки больше, чем достоинства — ей казалось, по ее словам, что «не хватало шеи», что слишком широкие плечи и т. д. Она думала, как эти недостатки скрыть, и в конце концов они превращались в достоинство. Трезвое, критическое отношение к себе умножало ее успехи, способствовало ее художественному совершенствованию.

Едва ли не главным в искусстве и в жизни она считала чувство меры, не любила никаких преувеличений, ощущение душевной стыдливости никогда не покидало ее.

Во время каких-то гастролей Большого театра Уланова вернулась с прогулки в гостиницу и увидела в холле группу молодых актеров, что-то горячо обсуждавших. Галина Сергеевна поинтересовалась, в чем дело. Оказалось, что молодые актеры были недовольны теснотой своих номеров, возмущались и собирались идти к администрации добиваться перемещения. Уланова пыталась их успокоить, говоря, что если есть крыша над головой, отдельный номер с ванной и душем, то ничего больше не нужно. «Но у вас-то, конечно, другой номер, поэтому вы так говорите», — отвечали молодые люди. Тогда Уланова предложила им подняться и посмотреть, как она устроена. Оказалось, что у нее точно такой же номер, но ей и в голову не приходило скандалить по этому поводу. И в этом опять-таки вся Уланова.

Точно так же ей не приходило в голову протестовать, когда случилось танцевать какие-то спектакли во вторую очередь. Она терпеливо дожидалась этой «очередки», не выказывая никакого недовольства.

Но при этой скромности она была непреклонной, когда дело касалось художественного компромисса.

Многие артисты стремились выступать в Кремле, чтобы лишний раз предстать перед всемогущими покровителями, напомнить о себе и быть представленными к очередным наградам. А Уланова под разными предлогами отказывалась от таких концертов — ей не нравилось, что высокопоставленные «зрители» сидят за столами и ждут во время выступления артистов.

В Галине Сергеевне было соединение абсолютной твердости, неподкупности с редкой скромностью и деликатностью.

Сергей Прокофьев сказал об Улановой: «Она — гений русского балета, его неуловимая душа, его вдохновенная поэзия...» К этому можно добавить: Уланова — совесть русского балета.